

В.А. МОГИЛЬНИКОВ

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
ГОРОДИЩА СТАРЫЙ ПОГОСТ
И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП ОБСКИХ УГРОВ**

В изучении угорского этногенеза и становления этнографических групп хантов и манси, особенно на начальных этапах этих процессов, важную роль играют данные археологии, позволяющие установить истоки и хронологию явлений. В аспекте анализа данной проблематики мы привлекаем материал городища Старый Погост, исследованного нами в 1986 г. Рассмотрение полученных здесь разновременных комплексов касается ряда сторон древней и средневековой истории угров.

Городище Старый Погост расположено в 2 км к западо-северо-западу от д.Старый Погост Вагайского района Тюменской области на подтреугольном останце, возвышающемся на 12 м над уровнем поймы левого берега р.Иртыш (рис.1, 1). Прилежащий к останцу с запада участок поймы заболочен, и в бытность на останце поселения здесь, вероятно, было озеро. В 0,5 км к северу от останца проходит протока, соединяющая старицу Иртыша – оз.Архиерейское с рекой.

По словам жителей д.Старый Погост, озеро в прошлом принадлежало Абалакскому монастырю, расположенному почти напротив, на правом берегу Иртыша. Склоны останца довольно крутые, задернованы и поросли лиственным лесом, кроме стрелки и части восточного склона, свободных от древесной растительности. Само местоположение останца, окруженного со всех сторон поймой с озерами и протоками, богатыми угодьями для занятия скотоводством, охотой и рыболовством, привлекало население с различным культурно-хозяйственным типом с глубокой древности.

Собственно городище занимает южную подтреугольную часть останца площадью около 1300 кв.м. Площадка, защищенная с севера двумя валами и двумя рвами, довольно ровная, слегка наклонена к югу и востоку. Высота внешнего вала с напольной стороны 0,77 м, второго вала от дна рва 1,55 м. Со стороны площадки проходит еще одно, третье валообразное повышение вы-

Городище Старый Погост

сотой до 0,2 м, выраженное нечетко, образованное выкидом из рва в сторону площадки городища. Вдоль вала на площадке городища прослеживалось несколько западин диаметрами 4-6х2-4 м, глубиной до 0,7 м, представлявших следы полуземляночных жилищ и других древних сооружений. Поверхность городища задернована и поросла высокой травой. Раскопом на городище вскрыто 428 кв.м (рис.1).

Поселение на останце возникло задолго до устройства фортификационных сооружений. Наиболее ранние обитатели появились здесь в эпоху мезолита или докерамического неолита, на что указывают отдельные находки в культурном слое ножевидных пластин из серокоричневого кремнистого сланца. Однако в последующие эпохи неолита и бронзового века останец был незанят. В УП-УІ вв. до н.э. на останце существовало культовое место, с которым связаны находки бронзовых литых личин и блях от конской сбруи. Первые отлиты местными бронзолитейщиками в односторонних глиняных или земляных формах и по технике исполнения подобны бронзовым зоо- и антропоморфным изображениям из Нижнего Приобья и лесного Зауралья 1 тыс. до н.э. типа Лозьвинского клада, культового места Вуграсян-Вад¹, вторые – подобны деталям уздечных наборов из более южных степных районов, в частности, Приаралья², отражая контакты с населением лесостепи и степи. С данными бронзовыми личинами могут соотноситься найденные на поселении немногочисленные фрагменты керамики позднелозьвинского типа, представляющие южную периферию эпонимной культуры, основной ареал которой занимает среднее лесное Зауралье и бассейн Конды³.

Следующий по времени культурно-этнический пласт III-II вв. до н.э. относится к саргатской культуре западно-сибирской лесостепи, носители которой ассоциируются с южной группой угров, предков мадьяр. Данное поселение оставлено группой саргатского населения, вклинившегося вдоль Тобола и Вагая из лесостепного Притобольшья до Иртыша в районе устья Тобола, в среде лесных обитателей, возможно, с целью установления более активных контактов с последними для получения мехов, являвшихся эквивалентом саргатской торговли со степным ираноязычным миром. Поселение саргатской культуры было вначале неукрепленным. Фрагменты саргатской керамики обнаружены в культурном слое, перекрытом насыпью вала. Сооружение последнего

Могильников В.А.

было, очевидно, совершено на заключительном этапе существования саргатского поселения с целью обороны от продвигавшихся во II-I вв. до н.э. из Сургутского Приобья в лесное Нижнее Прииртышье, в т.ч. на Конду, угро-самодийцев кулайской культуры, сменивших на описываемом городище население саргатской культуры. Кулайский комплекс, который может датироваться II-I вв. до н.э. – I-II вв. н.э., достаточно выразительно представлен на городище керамикой раннесаровского типа, костяными наконечниками стрел и другими изделиями из кости (ножи, скребла, штамп для орнаментации керамики).

Около II-III в. н.э. кулайцев на городище Старый Погост сменило население с керамикой кашинского типа, время бытования которого на данном поселке может определяться III-V вв. Данный памятник находится на северо-востоке ареала этой этнокультурной группы, которая может трактоваться как северная саргатская периферия в рамках южной кромки тайги и севера лесостепи Зауралья, Притоболья и Приишимья. Кроме городища Старый Погост, поселения с кашинской керамикой не встречаются нигде на Иртыше, Таре и Оми, в Обь-Иртышском лесостепном междуречьи. Отдельные фрагменты кашинских сосудов, найденные на поселениях южнотаежного Среднего Прииртышья (городище Голая Сопка у с.Новоникольское, поселения Кип IV. Затон Усть-Ишимского района Омской обл.)⁴, фиксируют межэтнические связи с районами Приишимья. По-видимому, население, оставившее памятники с керамикой кашинского типа, было одной из южноугорских групп, вошедших в состав формировавшихся к середине I тыс. н.э. южной группы хантов потчевашской культуры лесостепного и южнотаежного Прииртышья и Приишимья и предков туринских манси молчановской культуры юга лесного Зауралья. С каким-либо одним конкретным современным угорским этносом связывать кашинские памятники, по-видимому, нельзя. В этом аспекте рассмотрение кашинских памятников как древнемансийских, предлагаемое Н.П.Матвеевой⁵, рисуется весьма проблематичным.

На городище Старый Погост кашинский комплекс наиболее представителен. Его характеризует специфичная керамика с крупнозубчатым орнаментом, глиняные пряслица, отдельные костяные орудия, железные ножи, украшения из бронзы и их обломки, в т.ч. браслет со змеиными головками. При этом следует

Городище Старый Погост

отметить, что в условиях многослойного памятника, при имеющихся в таких случаях перемешанности слоев, указать точно культурную и хронологическую принадлежность некоторых категорий предметов, таких как железные ножи, изделия из кости, весьма сложно. По неизвестным причинам кашинское поселение на останце прекратило существование. На протяжении около 7-8 веков останец оставался незаселенным. В IX-X вв. здесь были произведены грунтовые захоронения кинтусовского этапа нижнеобской культуры, сопоставимой в основном с предками северной группы хантов, занимавших тогда Нижнее Обь-Иртышье до района устья Тобола, включая Нижнее Притоболье до междуречья Тавды – Туры, где они в последней трети I – начале II тыс. н.э. граничили с туринскими манси⁶. Исследование открытых погребений интересно в контексте формирования ареалов южной и северной групп хантов и рассматривается ниже.

Наиболее поздний комплекс на городище представляют остатки поселения татарского времени XIV-XVI вв. с находками железных ножей, скоб, двух замков, фрагмента кашинной керамики среднеазиатского происхождения с зеленоватой поливой и отдельных фрагментов местных грубых лепных горшков, орнаментированных по поверхности ямочными наколами и пальцевыми вдавлениями, напоминающих керамику тарских татар XVI-XVII вв.⁷. На поселении выявлены также остатки жилищ и хозяйственных сооружений саровского, кашинского и татарского населения. Детальной характеристике указанных комплексов будет посвящена особая публикация. Здесь же приведены некоторые аспекты их этнической интерпретации.

Переходим к описанию материала погребений еще не подвергавшихся детальному анализу. Всего в раскопе открыты четыре погребения, располагавшиеся как бы попарно в разных частях раскопа – погребения 1, 2 - в находящихся по соседству квадратах К/26 и 3/27 и погребения 3,4 - в лежащих рядом квадратах Ж-3/16-17. Первые два помещались в южной мысовой части останца, вторые – у его западного склона (рис.1, 1,2). В разделявшем их пространстве протяженностью около 18 м остатки погребений не были обнаружены. Не исключено, что из-за малой глубины могильных ям и отсутствия наземных признаков отдельные захоронения могли быть разрушены во время после-

Могильников В.А.

дующего существования на останце татарского поселения XIV-XVI вв.

Погребение 1 располагалось у южной стенки раскопа, в кв.К/26, на уровне материкового суглинка, на глубине 0,34 м от поверхности почвы. Контуры могильной ямы в культурном слое не прослеживались. Кости плохой сохранности. Погребенный был уложен на животе, вытянуто, головой на восток с небольшим отклонением к югу (рис.2,11). Лучше сохранились длинные кости ног, кости таза и верхней части скелета были фрагментированы, а частью отсутствовали. Общая длина скелета около 1,8 м. В области пояса, справа, лежал развал маленького, грубо слепленного глиняного сосуда с тщательно заглаженной поверхностью, небрежно орнаментированного рядами оттисков крупнозубчатого штампа и пояском ямок вдоль венчика (рис.2,13). В области черепа, справа, найдено железное тесло, сильно попорченное коррозией (рис.2,12), а с левой стороны головы – бронзовая литая несомкнутая серьга (типа рис.2, 3). Плохая сохранность скелета и невыразительность инвентаря не позволяют уверенно говорить о половой принадлежности. Это могла быть женщина, но не исключается также мужчина. Последняя интерпретация, возможно, даже предпочтительнее.

Погребение 2, мужчина (по инвентарю), находилось в кв.3/27 в овальной могильной яме размером 1,9х0,95 м, глубиной 0,25 м от уровня материка, 0,6 м от поверхности почвы, ориентированной 3-В. В культурном слое ее очертания не прослеживались, а на светло-коричневом материковом суглинке – овальным светло-серым пятном выделялись заполнения. В материке стенки ямы почти вертикальные. На дне ямы лежал костяк человека на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Кости плохой сохранности. Ребра, позвонки, фаланги и другие мелкие кости истлели (рис.2,1). Череп раздавлен. У левой стопы на боку помещался грубый лепной глиняный круглодонный сосуд с тщательно заглаженной поверхностью, орнаментированный по шейке двумя рядами наколов и прочерченной горизонтальной полосой (рис. 2,7). Справа от правого тазобедренного сустава лежали рядом четыре наконечника стрел, два костяных и два железных, направленных жалами в сторону головы (рис.2,1,1; 2,4-6,8). Очевидно, они были помещены в колчане. На это же указывают лежавшие против правого

Городище Старый Погост

колена три бронзовые сердцевидные бляшки (рис.2,1,2; 2,2). Подобным образом по три экз. гладкие бронзовые сердцевидные бляшки располагались на перекрестиях ремней портупей в тюркских погребениях VIII-IX вв., где они выполняли одновременно роль декора и заклепок при подсоединении ремней портупей к кольцу перекрестия. Вероятно, эти заклепки являлись принадлежностью портупей, на которой подвешивали колчан. Слева от левой бедренной кости обнаружены оселок из мелкозернистого песчаника (рис. 2,9) и фрагмент разрушенного коррозией железного предмета (рис.2,10), по-видимому, тесла. У черепа, в области левого уха, лежала бронзовая литая серьга в виде несомкнутого кольца (рис.2,3).

Погребения 3, 4, как отмечено, лежали рядом на уч.Ж-3/16-17, у западного склона останца, на уровне материкового суглинки, чуть врезаясь в него, на спине, вытянуто. Контуры могильных ям в темном культурном слое не прослеживались (рис.3,1,2).

Погребение 3, подросток, судя по инвентарю, юноша. Уложен головой на северо-восток. Длина останков скелета около 1,2 м (рис.3,2). Большинство костей истлело. Сохранились обломки трубчатых, череп раздавлен. Около костяка встречались кусочки обожженной бересты, в которую, очевидно, был завернут погребенный. У правого плеча лежали рядом четыре костяных наконечника стрел, а пятый находился у левого плеча (рис.3,2,2; 3,6-10). По-видимому, у правого плеча стрелы были положены в колчане наконечниками вверх, а пятая стрела была помещена отдельно у левого плеча. В районе пояса находились разрушенное коррозией железное тесло и фрагмент ножа (рис.3,2,3,4; 3,11). В области левого уха лежала бронзовая серьга в виде несомкнутого кольца (рис.3,3), а у подбородка – подшаровидная бесцветная стеклянная бусина. Еще две аналогичные бусины найдены после снятия костей скелета (рис.3,4,5). У стоп, кости которых не сохранились, лежал на боку глиняный круглодонный лепной сосуд с тщательно заглаженной поверхностью, орнаментированный в верхней части крупнозубым гребенчатым штампом, образующим узор типа рядов наклонных вдавлений, горизонтальных каннелюр и заключенного между ними зигзага (рис.3,12).

Могильников В.А.

Погребение 4, мужчина (?), длина скелета около 1,5 м. Кости плохой сохранности, но несколько лучшей, чем у выше-описанных индивидов. Погребенный был уложен на спине, вытянуто, руки – вдоль туловища, головой на восток. Череп несколько наклонен влево (рис.3,1). Ребра, большинство позвонков и мелкие кости кистей и стоп истлели. В области пояса, слева, лежали две бесцветных шаровидных стеклянных бусины (рис.3,1,6), аналогичные изображенным на рис. 3, 4, 5. У левой стопы располагался развал глиняного лепного круглодонного сосуда с диаметром устья 13,3 см, орнаментированного чередующимися оттисками из рядов вертикально поставленного гребенчатого штампа, горизонтальных каннелюр, зоны из трех рядов вдавлений уголкового штампа и свисающих треугольных фестонов, выполненных также уголковым штампом (рис.3,13).

Несмотря на малое количество вскрытых погребений, в ритуале прослеживается комплекс черт, следующих определенным канонам. К ним относятся бескуржанный грунтовый характер захоронений, малая глубина могильных ям – 0,35-0,4 – 0,6 м от поверхности почвы, положение на спине вытянуто (погр.1 – на животе), ориентировка погребенных головой на восток (погребение 3 – на северо-восток) и, по-видимому, наличие берестяного вместилища для усопших, заворачивание их в бересту или укладывание в берестяной короб, остатки чего зафиксированы в погребении 3. Следов деревянной обкладки или перекрытия не прослеживалось. Определенные закономерности устанавливаются и в расположении инвентаря. Бронзовые серьги в виде несомкнутого кольца по одному экземпляру располагались в трех случаях (из четырех) в области левого уха, а глиняные сосуды – у левой стопы. Стрелы в двух погребениях по четыре экземпляра лежали, вероятно, в колчанах наконечниками вверх, что напоминает расположение стрел в колчанах тюрок. Некоторое недоумение вызывает попарное расположение погребений на значительном расстоянии (более 18 м) при прослеживаемом в то же время относительном единообразии ритуала и облика керамики, указывающих на хронологическую и культурную близость захоронений. Как отмечено выше, вероятно, локализация погребений по два в разных местах раскопа могла быть следствием разрушения расположенных на промежуточном участке погребений более поздним поселением татарского времени XIV-XVI вв.

Городище Старый Погост

Сходство погребального ритуала дает возможность при определении датировки рассмотреть полученный материал суммарно. К тому же он немногочислен, и некоторые категории вещей, такие как костяные наконечники стрел, железные тесла, бесцветные шаровидные стеклянные бусы и, отчасти, керамика, не дают узких хронологических рамок. Остаются железные наконечники стрел, бронзовые кольцевидные несомкнутые серьги и сердцевидные наременные бляшки. Два железных наконечника стрел – трехлопастной, вытянуто ромбический и плоский ромбический (рис.2,4,5) имеют аналогии среди наконечников стрел кимачов IX-X вв. приалтайских степей⁸. Крупные костяные наконечники стрел (рис.2,6,8, 3,8-10) подобны наконечникам стрел из памятников сроткинской культуры второй половины VIII-X вв. Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья⁹. Гладкие литые мелкие сердцевидные бляшки из того же погребения 2 (рис. 2,2) аналогичны бляшкам тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая, степей Западной Сибири и Казахстана¹⁰, где они украшали ремни поясов, портупей и сбури второй половины VIII-IX-X вв., преимущественно первой половины последнего. В Средней Азии, в Пенджикенте, такие бляшки встречаются в слое середины VIII в.¹¹, а в Прикамье, по определению Р.Д.Голдиной, они бытовали от конца VII до IX в.¹² С конца IX и в X вв. гладкие сердцевидные бляшки все более заменяются орнаментированными. Бронзовые литые серьги или височные кольца в виде несомкнутого кольца с приостренными концами (рис.2,3, 3,3) подобны серьгам из погребений 1, 2 кургана 17 могильника Чулым-2 в Барабе конца VIII-IX вв.¹³ Несколько меньшего диаметра серьги в виде несомкнутого круглого или овального кольца представлены в памятниках IX-X вв. сроткинской культуры на Верхней Оби, у кимачов Верхнего Прииртышья и тюрок Саяно-Алтая¹⁴.

Исходя из приведенных аналогий, наиболее вероятной датой описываемых погребений являются конец VIII-IX – первая половина X в. н.э., а в более широких рамках, как отмечено выше, IX-X вв. Этой хронологии соответствует и облик обнаруженной керамики в форме высоких округлодонных горшков со слегка выраженными плечиками и почти вертикальной шейкой. Орнаментация чередующимися горизонтальными каннелюрами, разделяющими зоны оттисков зубчатого и уголкового штампов (рис.3,12,13), следует орнаментальным традициям потчевашской

Могильников В.А.

культуры¹⁵, а свисающие по тулову треугольные фестоны, нанесенные уголковым штампом (рис.3,13), констатируют влияние орнаментального комплекса северного лесного населения Приобья, восходящего к зеленогорской культуре VI-начала VIII вв.¹⁶ В данной связи следует отметить, что сочетание северного лесного и южного лесостепного компонентов свойственно потчевашской культуре, отражая участие в ее генезисе населения кулайской культуры Среднего Приобья, карымского этапа Нижнего Обь-Иртышья и саргатской культуры лесостепи¹⁷. В рассматриваемом аспекте примечательно, что сосуду из погребения 4 (рис.3,13) близок сосуд потчевашского облика из кургана 17 конца VIII-IX вв. могильника Чулым-2 в Барабе¹⁸. В свою очередь, это подтверждает датировку описываемых погребений концом VIII-IX – первой половиной X вв.

Открытие грунтовых погребений на городище Старый Погост на левобережье Иртыша, близ устья Вагая, поднимает вопрос об уточнении границы между усть-ишимской культурой, соотносимой с формирующейся южной группой хантов, и нижнеобской культурой кинтусовского этапа, связываемой с генезисом прежде всего северной и восточной групп этого народа¹⁹.

Одним из основных критериев различия названных культур является подкурганный обряд захоронения в первой и грунтовые захоронения во второй, которые ничем не выделяются на поверхности или имеют вид неглубоких овальных западин. Грунтовые захоронения в ареале усть-ишимской культуры встречаются единично как исключения (погребение X-XI вв. на городище Окунево V близ устья р.Тары)²⁰. Керамика усть-ишимской и нижнеобской культур IX-XII вв. близка; детальная ее характеристика и сравнительный анализ не проведены, поэтому она не работает как этнодифференцирующий признак, из-за чего при определении границ культур приходится опираться на погребальный обряд, детали его своеобразия. Присущий усть-ишимской культуре подкурганный обряд захоронения охватывает в Прииртышье территорию от устья Тары до современного пограничья Омской и Тюменской областей. Здесь расположены наиболее северные исследованные курганы усть-ишимской культуры – у пос.М.Бича Омской обл. на правобережье Иртыша²¹ и у Д.Танбуряны Вагайского района Тюменской обл.²², лежащие на левом берегу, чуть ниже М.Бичи. Вероятно, из разрушенных кур-

Городище Старый Погост

ганов происходят находки свойственных усть-ишимской культуре украшений, обнаруженные близ с.Карагай²³, в 7 км вниз по Иртышу от вышеназванного пункта. Далее вниз по Иртышу курганы усть-ишимской культуры неизвестны, а открытые близ устья Вагая вышеописанные грунтовые погребения Старого Погоста позволяют поднимать вопрос о распространении сюда в IX-X вв. ареала нижеобской культуры. Помимо грунтового характера захоронения, в пользу этого заключения говорят некоторые другие особенности погребального ритуала, в частности, ориентация захороненных головой на восток, что сближается с юго-восточной ориентацией погребенных VIII-IX вв. на кучиминском этапе нижеобской культуры²⁴. В то же время восточная ориентация не характерна для усть-ишимской культуры, где ее имеют около 4% погребенных²⁵, а преобладало положение усопших головой на СЗ, восходящее, возможно, еще к традициям саргатской культуры эпохи раннего железа лесостепи Западной Сибири. Аналогична погребениям нижеобской культуры также малая глубина могильных ям, а присутствие керамики в позднекучиминских погребениях IX в. соответствует наличию сосудов в описываемых захоронениях. Взятые в комплексе, эти черты дают основание считать, что пограничье между усть-ишимской и нижеобской культурами, ассоциируемыми соответственно с формирующимися южной и северной группами хантов, проходило в конце I-начале II тыс. н.э. в Прииртышье в районе устья Вагая или даже несколько выше его. Примечательно, что это несколько южнее северной границы распространения предшествующей потчевашской культуры VI-IX вв. среднего лесного и лесостепного Прииртышья, на основе которой сформировалась усть-ишимская культура. Наиболее выразительным и самым северным памятником потчевашской культуры пока остается Потчевашское городище на окраине Тобольска²⁶, что приблизительно на 35-40 км ниже устья Вагая. В таком случае можно говорить о некотором сдвиге к югу северного лесного населения Нижнего Обь-Иртышья в IX-X вв.

В данном аспекте интересно также то, что по облику, формам и орнаментации, керамика усть-ишимской культуры стоит ближе к посуде вожпайского и кинтусовского типов X-XII вв. Нижнего Приобья, чем потчевашская посуда Среднего Прииртышья VI-IX вв. синхронной посуде зеленогорского и кучимин-

Могильников В.А.

ского этапов нижнеобской культуры²⁷. На обширном пространстве лесного Обь-Иртышья в IX-XII вв. происходит как бы интеграция такой этнопоказательной категории материала как керамика и ее орнаментация. Это явление может быть объяснено двумя факторами.

С одной стороны, в прежнем ареале потчевашской культуры в Среднем Прииртышье, очевидно, происходило все большее поглощение элементов культуры, отражавших присутствие южного лесостепного компонента в составе потчевашцев, северным лесным компонентом культуры с характерной для него гребенчатой и фигурноштамповой орнаментацией керамики. И в то же время, в IX-X вв., вероятно, происходил какой-то приток в южнотаежную подзону населения с севера. Передвижения населения, возрастание в связи с этим военной опасности и строительство более мощных оборонительных сооружений в сравнении с предшествующим периодом отмечается для кучиминского этапа в Сургутском Приобье VIII-IX вв.²⁸

С другой стороны, шло давление с юга из лесостепи тюркоязычного кочевого и полукочевого населения, приведшее к тюркизации потчевашского населения в лесостепном междуречье Иртыша и Оби, на р.Оми, и к ограничению южных пределов ареала усть-ишимской культуры естественным пограничьем подзоны южной тайги и лесостепи, проходящим вдоль р.Тары. Население усть-ишимской культуры, составившее основной южный компонент генезиса иртышских хантов, в X-первой трети XIII в. консолидируется в лесном среднем Прииртышье условно между устьями Тары и Вагая, включая правобережные притоки Тару, Уй, Шиш, Туй, а на левобережье низовья Оши и Ишима в рамках южнотаежной подзоны²⁹. Однако, население усть-ишимской культуры, по-видимому, еще нельзя полностью идентифицировать со сформировавшейся южной группой хантов. Часть населения усть-ишимской культуры, постепенно продвигаясь в IX-XI вв. на северо-восток, в Нарымское Приобье, в бассейн Васюгана³⁰, приняла участие в формировании восточных хантов, наряду с северохантыйским населением нижнеобской культуры и остатками проживавших здесь до этого селькупов, представлявших третий субстратный компонент генезиса группы восточных хантов.

Городище Старый Погост

Общеугорские черты, фиксируемые в культуре восточных хантов, восходят к северному нижеобскому компоненту, а детали коневодческой терминологии, имеющиеся в том числе в лесном оленеводстве³¹, вероятно, привнесены прииртышским компонентом Усть-Ишимской культуры. Возможно, с тремя вышеуказанными компонентами генезиса связано деление восточных хантов не на две, а на три экзогамные группы³². В рассматриваемом аспекте примечательны слабо выраженные особенности восточнохантыйской терминологии родства, которые были выработаны, очевидно, уже во II тыс. н.э. после оформления восточных хантов в отдельную этнографическую группу, а общехантыйские черты восходят к I тыс. н.э., когда выделение отдельных групп хантов, северной, восточной и южной, из недостаточно дифференцированной общности предков хантов еще не произошло. Не составляли исключения выделившиеся из обскоугорской общности в середине I тыс. н.э. манси³³, отдельные этнографические группы которых также складываются во II тыс. н.э. Их своеобразие было во многом обусловлено участием в их генезисе различных этнических компонентов, особенностями внешних контактов и экологической среды.

Отмечаемое З.П. Соколовой вслед за А.Н. Баландиным непонимание языка кондинскими, восточными, манси языка северных, сосвинских, манси и наоборот³⁴ объясняется, отчасти, различными компонентами генезиса названных групп. Археологические материалы эпохи средневековья из бассейна Конды изучены пока слабо. Однако имеющиеся данные, в т.ч. исследования В.Н.Чернецова³⁵, дают основания считать, что манси осваивали Конду в основном в первой половине II тыс., преимущественно в XIII-XV вв., продвигаясь сюда с верховий, со стороны Урала и с юго-запада из бассейнов Тавды и Туры, откуда они двигались на северо-восток под давлением формировавшихся туринских татар, ассимилировавших часть манси. В свою очередь, манси на Конде теснили и частью ассимилировали проживавших здесь хантов. Археологический материал средней и нижней Конды конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. демонстрирует большую близость к памятникам Нижнего и Сургутского Приобья. Это относится как к комплексам распространившейся на Конду кулайской культуры (городище Ст.Каташ и др.)³⁶ конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., так и к развивавшейся впоследствии в I

Могильников В.А.

тыс. н.э. нижеобской культуре³⁷, представлявшей общий компонент генезиса всех групп хантов в ходе их формирования.

На С.Сосьве и Ляпине указанный древнехантыйский компонент, констатируемый памятниками кинтусовского типа³⁸, сохранялся до XI-XIII вв. и, возможно, несколько далее, указывая на проживание здесь в XI-XIII вв. хантов, которые впоследствии составили существенный субстратный компонент формирования северной группы манси. При этом приток суперстратного мансийского компонента шел, очевидно, в основном из северного Приуралья, с верхней Печоры, направляясь за Урал под давлением коми по традиционному, восходящему к древности, пути через правобережные притоки Печоры – Илыч, Щугор – за Уральский хребет на верховья С.Сосьвы и ее притоки. Вероятно, в меньшей степени шло проникновение манси из более южных районов Зауралья, мигрировавших через бассейн верхней Конды с Туры и Тавды под давлением татар. Археологический материал пока не содержит данных, позволяющих говорить о том, когда именно манси стали активно осваивать С.Сосьву с притоками. По-видимому, это произошло не ранее конца XIV и не позже XV вв., что совпадает с активизацией христианизации коми, начавшейся с деятельности Стефана Пермского в 1389 г. с последующим основанием им Пермской епархии в 1392 г. Избегая христианизации, часть коми отступает на восток, на Печору, вытесняя за Урал манси. В это время русские источники уже различали вогуличей – манси и Югру – хантов. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший во главе посольства в Москве в 1517 и 1526 гг., в своих “Записках о Московитских делах”, опираясь на сведения Югорского дорожника, несохранившегося русского документа рубежа XV-XVI вв., составленного со слов бывавших за Камнем (Уралом) новгородских купцов, указывает, что “от крепости Ляпин” недалеко “до реки Сосвы. Живущие на той реке называются вогуличами. Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби.” ...“И по ней также живут вогуличи и Югричи.”³⁹. Из этого сообщения следует, что в XV в. манси уже жили по С.Сосьве и частично распространились на р.Обь. В то же время существование в XV-XVI вв. Ляпинского югорского княжества указывает, что Ляпин в тот период был занят северными хантами, игравшими в крае преобладающую роль, поскольку у вогуличей здесь своего княжества тогда не было. Манси на Ляпин

Городище Старый Погост

распространились позже XVI в. с С.Сосьвы. Постепенное продвижение манси в области, ранее занятые хантами, и совместное соседское проживание вели к развитию взаимосмещения с последующим возобладанием ассимиляции манси сосьвинских хантов и частичному оттеснению последних на восток и северо-восток к низовьям Оби.

В данном случае права З.П.Соколова, указывая на позднее происхождение сосьвинских манси⁴⁰, которые, как мы полагаем, длительное время, с конца XIV-XV вв., жили здесь по соседству с аборигенами-хантами. Отмеченные различия в генезисе этнографических групп манси, своеобразие экологии и внешних контактов, неодновременность формирования на протяжении длительного исторического периода привели к сложению особенностей в их культуре и языке.

Говоря о генезисе этнографических групп хантов, следует остановиться на отмеченной Н.В. Лукиной архаичной зоне хантыйского этноса в ареале восточных хантов⁴¹. Археологически эта зона в ареале восточных хантов может быть приурочена к Сургутскому Приобью, где прослеживается непрерывное эволюционное развитие культуры древних хантов от IV-V до XIV-XVI вв.⁴² Период IV-VI вв. – это время существования карымского этапа нижнеобской культуры (по В.Н. Чернецову), когда происходит интегрирование культуры предков хантов, еще не разделившихся существенно на этнографические группы, на обширной территории Нижнего и Сургутского Приобья, Нижнего и Среднего Прииртышья с нижним Притобольем и Приишимьем. К этому времени нивелируются различия, вызванные миграцией в Нижнее Приобье и Прииртышье кулайцев-саровцев в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. в результате смешения пришельцев и местного угорского нижнеобского населения во II-III вв. н.э. с возобладанием культурного своеобразия местного населения. Последующее развитие во второй половине I тыс. н.э., наряду с эволюцией культур, знаменует нарастание процессов дифференциации с выделением в Нижнем Обь-Иртышье и в Сургутском Приобье зеленогорского (VI-начало VIII вв.) и кучиминского (VIII-IX вв.) этапов нижнеобской культуры предков северных и, отчасти, восточных хантов, и потчевашской культуры в Среднем южнотажном и лесостепном Прииртышье, Приишимье и Барабе, обусловившей своеобразие и составившей ведущий компонент гене-

Могильников В.А.

зиса южных хантов Нижнего Прииртышья и в меньшей мере – хантов Васюганья и, возможно, Ваха. Вероятно, с особенностями генезиса связано формирование диалектных групп у восточных хантов. При этом ваховско-васюганский диалект сформировался, очевидно, при определенном воздействии селькупского субстрата и проникавших с запада хантов из Прииртышья, а также вследствие географической обособленности и особенностей внешних контактов. Сургутский диалект в наибольшей мере соотносится с архаичной зоной хантыйского этноса (по Н.В. Лукиной), а салымский – при наличии той же архаики находился в зоне контакта с хантами Нижнего Прииртышья. Данную архаику отражает сходство памятников нижнеобской культуры Сургутского и Салымского регионов.

Коротко остановимся еще на формировании южной, иртышской группы хантов. Локализовавшаяся в Среднем лесном Прииртышье усть-ишимская культура X-XIII вв. – отражает один из этапов генезиса группы южных иртышских хантов, формирование которых завершалось в ареале Нижнего Прииртышья в XIII-XIV вв., когда часть усть-ишимского населения из Среднего Прииртышья была оттеснена в Нижнее, к северу от устья Тобола, где постепенно смешалась с местным родственным населением, близким по культурному облику хантам Нижнего Приобья между устьями Иртыша и Казыма. Причем эта близость констатировалась в XI-XIII вв. прежде всего обликом керамики кинтусовского типа с архаичными чертами в формах и орнаментации сосудов и грунтовыми захоронениями ингумаций, что отражало восходящие к древности черты общности происхождения. В КХТ имелись значительные различия, выражавшиеся прежде всего в большей роли скотоводства на юге региона, что было обусловлено особенностями экологии и большей интенсивностью южных контактов в Прииртышье, нежели в Приобье.

Процесс смешения населения Нижнего Прииртышья с оттесняемой сюда частью этноса из Среднего Прииртышья занял, вероятно, длительное время. Он начался, очевидно, в XI-XII вв., когда население усть-ишимской культуры подвергалось давлению с юга, со стороны кыпчаков лесостепи. Сформировавшись на базе потчевашской культуры, усть-ишимцы привносят генетически унаследованные потчевашские черты в Нижнее Прииртышье, что констатируется в орнаментации керамики характерными ря-

Городище Старый Погост

дами из оттисков наклонно поставленного гребенчатого штампа и прочерченных им же горизонтальных каннелюр, разделяющих зоны узоров, с поселений конца XI-XII вв. на Иртыше⁴³ и в прилежащих районах Приобья⁴⁴.

Возможно, имела место миграция экзогамными группами, что способствовало взаимоассимилятивным процессам и смешению пришельцев с аборигенами с восприятием одних черт культуры и утратой других. С притоком населения с юга более широкое распространение получает скотоводство, возможно также в какой-то мере земледелие, совершенствуются навыки прядения, ткачества, вышивки шерстью, известные в культуре южных хантов. Напротив, пришельцы в ходе смешения и непосредственного общения воспринимают новые поверья и утрачивают ритуал захоронения под курганами. К сожалению, слабая изученность памятников Нижнего Прииртышья XI-XIII-XIV вв. и отсутствие исследованных погребений этого периода в данном регионе не позволяют проследить детали трансформации культуры и этноса.

Приток южнохантыйского населения из Среднего в Нижнее Прииртышье, вероятно, становится более интенсивным со второй трети XIII в. в связи с татаро-монгольским завоеванием, сопровождавшимся оттеснением части кыпчаков из степи и лесостепи Западной Сибири в южнотаежные районы, прежде всего по долинам крупных рек – Оби, Иртыша, Ишима, Тобола с притоками, где имелись наиболее благоприятные условия для занятия скотоводством. В свою очередь, это приводит к тюркизации части носителей усть-ишимской культуры, обусловив формирование различных групп сибирских татар Прииртышья и Притоболья. Другая часть населения усть-ишимской культуры отступила на север вниз по Иртышу и на его таежные притоки, что привело в XIII-XV вв. к окончательному оформлению этнографической группы нижеиртышских хантов.

В отношении трансформации отдельных элементов культуры миграция в Нижнее Прииртышье носителей усть-ишимской культуры напоминает их проникновение на верховья Васюгана в X-XI вв., где на городище Тух-Эмтор IV представлена керамика, аналогичная усть-ишимской. В обоих случаях миграция сопровождалась утратой курганного обряда погребения⁴⁵. В отличие от южной и восточной групп хантов, складывавшихся при значительном воздействии с юга и юго-запада, северная группа хантов

Могильников В.А.

Нижнего Приобья явилась в основном плодом автохтонного развития местной архаичной нижнеобской культуры без существенных внешних воздействий до начала II тыс. н.э. С началом II тыс. идет взаимодействие с формирующимися ненцами. С XI-XII вв. устанавливаются широкие контакты Нижнего Приобья с коми, русскими и болгарами⁴⁶.

Новое усиление контактов с югом, носивших различные аспекты, приходится на период существования Золотой Орды и возникших в результате ее распада Тюменского и Сибирского ханств, но это уже тема отдельного рассмотрения.

Примечания

¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА, 1953. №35, Табл. XVI, XVII; Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. Рис. 2-8; Могильников В.А. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС, 2000, №3.

² Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. Табл. V, 12, 15; VII, 3; VIII, 3; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. Рис. 6, 6, 27, 8, 75.

³ Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р.Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1970. С. 257-260, табл. 1, 9, 10, 15.

⁴ Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996. С. 105.

⁵ Матвеева Н.П. К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. конф. Томск: ТГУ, 1990. С. 187-188; Она же. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. С. 141-142; Она же. Археологическое наследие угров на юге Тюменской области // Обские угры. Матлы II Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири” (12-16 дек. 1999 г. г.Тобольск). Тобольск-Омск, 1999. С. 55.

⁶ Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья X-XIII вв. н.э. // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1968. №191. С. 252-256; Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. Автореф. канд. дис. М., 1964. С. 12; Она же. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху

Городище Старый Погост

средневековья. Археология СССР. М.:Наука, 1987. С.175-176; Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА, 1957. №58. С.180.

⁷ Мельников Б.В. Поселение Бергамак III (предварительное сообщение) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т.1. Культура тарских татар. Новосибирск, 1996. Рис.4,1-6, 5,1.

⁸ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. Рис.82,6,7,21, 84.

⁹ Там же. С.190, рис.83; Бараба в тюркское время / Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Новосибирск:Наука, 1988. Рис.29,7,8, 30,1, 2, 36,2-11.

¹⁰ Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата:Наука, 1972. Табл.I,6,11-15, VII.12, Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1960. Табл. Табл.IX,266; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. С.30, рис.11,38; Могильников В.А. Курганы 85... рис.5,1, 6,2; Он же. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. Рис.23,30.

¹¹ Распопова В.И. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА, 1979. Вып.158. Рис.3,15-17.

¹² Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА, 1979. Вып.158. Рис.1,234.

¹³ Бараба в тюркское время... С.66, рис.14,2,5.

¹⁴ Грязнев М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. МИА, 1956. №48. Табл.LV,6,7; Могильников В.А. Тюрки... Рис.24,30, 26,91, 27,86.

¹⁵ Могильников В.А. Угры и самодийцы... Табл.LXXIX,1,3,14.

¹⁶ Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. №20. Рис.2,Б,4,5,11,12.

¹⁷ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С.192-193.

¹⁸ Бараба в тюркское время... Рис.14,10.

¹⁹ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С.202,216.

²⁰ Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С.64-65, рис.1,9,10,13,14.

²¹ Конилов Б.А. Малобичинские курганы как источник по истории таежного Прииртышья начала II тыс. н.э. // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск, 1987. С.69-96.

Могильников В.А.

²² Раскопки А.А. Адамова в 1993, 1999 гг. Тобольский музей-заповедник.

²³ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... Табл. XXXIII, 1-6.

²⁴ Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.2. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. С.280; Федорова Н.В. и др. Сургутское Приморье... С.136-137; Чемякин Ю., Карачаров К. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: "Тезис", 1999. С.47,52.

²⁵ Конилов Б.А. Культуры таежного Прииртышья VI-XIII вв. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1982. С.9.

²⁶ Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА, 1953. №35.

²⁷ Федорова Н.В. и др. Сургутское Приобье... С.134,136, рис.2,Б,В; Чемякин Ю., Карачаров К. Ук.соч., С.46,52, рис.15,16.

²⁸ Федорова Н.В. и др. Сургутское Приобье... С.136; Чемякин Ю., Карачаров К. Ук. соч. С.46-47, 52.

²⁹ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С.193, карта 38; Он же. Формирование и динамика ареала древних ханты во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Сургут, Сибирь, Россия. Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г.Сургута. Тез. докл. 22-25 марта 1994 г. Екатеринбург, 1994. С.125-127.

³⁰ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С.202.

³¹ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: ТГУ, 1965. С.140-146.

³² Лукина Н.В. Исторические формы и преемственность в традиционной культуре восточных хантов. Автореф.дис....докт.ист.наук. М., 1985. С.22.

³³ Могильников В.А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н.э. // СА, 1974. №2. С.68-72; Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... С.180.

³⁴ Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.:Наука, 1975. С.183-184.

³⁵ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... С.185-187, табл.IX-X, рис.13.

³⁶ Расторопов А.В. Исследования на средней Конде // Археологические открытия 1985 г. М.:Наука, 1987. С.278.

³⁷ Федорова Н.В. и др. Сургутское Приобье... С.137-141, рис.3,А; Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... С.213-214, табл.XXXIV.

³⁸ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье... С.213-214, табл.XXXIV.

³⁹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Книга о Московском посольстве. СПб., 1908. С.129-130; Очерки истории Коды /

Городище Старый Погост

Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Екатеринбург: "Волот", 1995. С.87.

⁴⁰ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.:Наука, 1980. С.99.

⁴¹ Лукина Н.В. Исторические формы... С.24.

⁴² Федорова Н.В. и др. Сургутское Приобье... С.127; Чемякин Ю., Карачаров К. Ук. соч. С.58-59.

⁴³ Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1986. Вып.18. С.120, рис.2,2,7,10.

⁴⁴ Федорова Н.В. и др. Сургутское Приобье... С.139, рис.3,27.

⁴⁵ Кирюшин Ю.Ф. Поселение Тух-Эмтор IV – памятник Васюганского Приобья // Из истории Сибири. Томск:ТГУ, 1976. Вып. 19. Табл.IX,X.

⁴⁶ Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1931. С.57-105; Очерки история Коды... С.54-84; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994. С.66-68.

Сокращения

ИПОС – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука

СА – Советская археология. М.

ПГУ – Пермский государственный университет

ТГУ – Томский государственный университет

Могильников В.А.

Подрисуночные подписи

Рис.1. 1 – план городища Старый Погост, сечение горизонталей 2 м; 2 – расположение погребений в раскопе городища Старый Погост.

Рис. 2. Городище Старый Погост. 1 – 10 – погребение 2; 11-13 – погребение 1. 1 – план погребения 2 (1 – 4 наконечника стрел, два железных, два – костяных; 2 – 3 сердцевидных бронзовых бляшки от перекрестия ремней портупеи; 3 – бронзовая серьга; 4 – глиняный сосуд); 2 – портупейные бляшки (3 экз.): 3 – серьга; 4-6,8 – наконечники стрел; 7,13 – сосуды; 9 – оселок, 10,12 – остатки тесел, поврежденных коррозией; 11 – план погребения 1 (1 – развал глиняного сосуда). 2, 3 – медь; 4,5,10,12 – железо; 6,8 – кость; 7,13 – глина; 9 – камень.

Рис.3. Городище Старый Погост. 1,13 – погребение 4; 2-12 – погребение 3. 1, 2 – взаиморасположение погребений 3, 4 на уч. Ж-3/16-17 (1,6,8 – бусины; 2 – костяные наконечники стрел (4 – у правого и 1 – у левого плеча); 3,4 – фрагменты тесла и ножа; 5,7 – глиняные сосуды); 3 – серьга; 4,5 – бусы; 6-10 – наконечники стрел; 11 – тесло; 12,13 – сосуды; 3 – медь; 4,5 – стекло; 6-10 – кость; 11 – железо; 12,13 – глина.